

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье представлен анализ особенностей воспроизводства и развития сельских территорий в эпоху глобализации. Исследованы теоретические подходы и концепции, объясняющие трансформацию понятий «сельская территория», «село», «сельскость» под влиянием глобализационных изменений и характера взаимоотношений городов и сельских территорий. Для объяснения особенностей развития регионов, территорий и сообществ под влиянием глобальных процессов рассмотрена концепция гибридизации. На материалах отечественных исследований обобщены особенности пространственного развития аграрного производства и сельских территорий России. Сделан вывод о необходимости анализа ключевых факторов и возможностей сельских территорий для встраивания в глобальные процессы и аккумуляции потенциала экономического роста.

Ключевые слова: сельские территории, глобализация, сельские сообщества, гибридизация

ANALYSIS OF TRENDS OF REPRODUCTION AND DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article presents an analysis of the features of reproduction and development of rural areas in the era of globalization. The theoretical approaches and concepts that explain the transformation of the concepts of “rural area”, “village”, “countryside” under the influence of globalization changes and the nature of the relationship between cities and rural areas are investigated. To explain the features of the development of regions, territories and communities under the influence of global processes, the concept of hybridization is considered. Based on the materials of domestic research, the features of the spatial development of agricultural production and rural areas in Russia are generalized. It is concluded that it is necessary to analyze the key factors and capabilities of rural areas for embedding in global processes and accumulating the potential for economic growth.

Key words: rural areas, globalization, rural communities, hybridization

Введение.

В последние десятилетия, благодаря стремительным изменениям условий сельской жизни, самих сельских территорий и сельской экономики, понятие «сельскости» сильно изменилось. При этом отмечается значительное многообразие, как в плотности этих процессов, так и в их интенсивности между странами, крупными регионами, континентами, а также наблюдаются внутристрановые и внутрирегиональные различия. Очевидно, что глобализация и сопутствующие ей изменения добрались до села и активно втягивают сельскую местность в трансформационные процессы. Социально-демографические изменения формируют экономические тренды, в то же время состав и структура населения территорий и регионов во многом обусловлены уровнем развития экономики. Масштабы аграрной экономики в сельской местности резко сжались, сократив количество сельскохозяйственной рабочей силы, сместив акценты с сельской местности, как сферы агропромышленного производства, на ее рекреационные, потребительские и самосохранительные функции. Некоторые исследователи отмечают, что изменившееся соотношение между пространством и сообществом размыли традиционные границы между городским и сельским [1]. Сельское сообщество и сельская территория уже не являются единым целым. Сегодня «сельскость» характеризуется множественностью социальных пространств, перекрывающих географические границы, при остающихся значительных социальных различиях между городом и селом. При этом многократно и одновременно возрастает сложность сетей взаимодействий и пространственная сложность структур. Исследователи отмечают парадокс: с одной стороны, сельские террито-

рии некоторых стран становятся все более однородными, с другой, более раздробленными в пространстве [2]. Объяснением этого противоречия является то, что территории все в большей степени подвержены глобальным процессам, но реакции на эти макро-процессы на местном уровне становятся более разнообразными. Происходящие изменения сельской местности не только размывают привычные границы города и села, но и свидетельствуют о двунаправленном одновременном процессе: урбанизации сельской местности и рурализации городов, которые осуществляются через колоссальное переплетение культурных, социальных и экономических трендов и их массовое транслирование через Интернет. В этих условиях ключевой проблемой является исследование влияния, оказываемого глобализацией, на воспроизводство и развитие сельских территорий, при этом основной акцент стоит сместить на повышение качества жизни сельского населения и создание предпосылок для преодоления бедности и социальной изоляции уязвимых групп жителей села.

Целью исследования является выявление современных трендов развития сельских территорий в условиях глобализации. К основным задачам исследования относятся:

- обобщение основных тенденций, определяющих изменение подходов к анализу понятий «сельские территории», «сельскость» и «сельско-городские взаимоотношения» в эпоху глобализации;
- характеристика концепции гибридизации и ее аналитических возможностей для концептуализации развития сельских территорий под влиянием глобализационных изменений;
- выявление основных тенденций пространственного развития: поляризация и пространственное сжатие сельской местности России;
- урбанизация, контрурбанизация, рурализация.

Основными методами исследования являются общетеоретический анализ и синтез на основе системного подхода.

Результаты исследования.

Основной тенденцией развития сельских территорий в глобальном масштабе становится трансформация самого понятия «сельских территорий», его границ, функциональной и содержательной сущности, их взаимоотношений с городами и между собой. Происходит пересмотр концепций для изучения «сельскости», исследования формирования характерных черт и особенностей сельского образа жизни, сельской идентичности.

Усиление внимания социальных наук к дихотомии «город – село» в конце 20 века произошло из-за глобально наблюдаемых тенденций усиления урбанизации, вторжения городских форм и практик в сельские пространства и сообщества, а также усиления интеграции сельской и городской экономик. Социологи села стремились идентифицировать традиционные сельские формы, находящиеся, по их мнению, под угрозой урбанизации, и тем самым косвенно способствовали развитию представлений о сельско-городской дуальности. Зачастую эти исследования опирались на сельское хозяйство, как на характерную особенность, которая отличала село от города, однако, по мере снижения влияния сельского хозяйства на сельскую экономику и рынок труда направления исследований стали меняться. Повсеместно наблюдаемые тенденции расширения урбанизации и возросшей интеграции между городом и деревней позволили исследователям выявить дифференциацию между сельскими сообществами, связанную с наличием, как элементов «городских» социальных форм в «сельских» общинах, так и элементов «сельских» социальных форм в «городских» общинах [3]. В последние годы наблюдается переключение с абсолютистского взгляда на «сельское» и «городское» пространство, как отдельных категорий, на более релятивистскую позицию, в которой сельские и городские районы образовывали противоположные полюсы континуума. С этой точки зрения, сообщества были размещены по их географическому положению вдоль сельско-городского континуума, но их относительное расположение отражалось в сочетании городских и сельских социальных форм в локальном сообществе. Однако, несмотря на широкое влияние и практическую полезность концепции «сельско-городского континуума», она была подвергнута критике в социологии. Например, R. Pahl отмечал, что различные комбинации отношений *gemeinschaftlich* и *gesellschaftlich* можно найти в разных социальных группах, населяющих одни и те же места, как в более сельских, так и в более городских точках

вдоль континуума, и предположил, что тип поселения менее важен, чем социальный класс и жизненный цикл в определении образа жизни [4]. По его мнению, сельско-городской континуум следует понимать не как типологию, а как процесс, состоящий из объединения различных «текстур» отношений между социальными группами, вовлеченными во взаимодействия местного (локального) и глобального.

Однако вскоре появились подходы, в которых концепты «сельское» и «городское» в качестве аналитических категорий затмили такие конструкты, как: класс, пол, раса, этническая принадлежность и возраст. Данное предположение наиболее развернуто представлено в концепции «планетарной урбанизации» («planetary urbanization»), которая развивает мысль о том, что «общество полностью урбанизировано», и доказывает, что сейчас все географические части света в той или иной степени находятся под воздействием «эффекта города» [5]. N. Brenner считает, что эта концепция «заменяет разрыв между городскими и негородскими районами и позволяет развивать новое видение городов без внегородской среды». Тем не менее, такому игнорированию «сельскости», как значимой категории для научных исследований, препятствует ее сохраняющееся культурное и эмоциональное значение, как источника идентичности и способа осмысления повседневного опыта. Признание этих аспектов сопровождалось «культурным поворотом» в социальной науке и принятием концепций постструктурализма, включая идею о том, что «сельский» и «городской» являются социальными конструкциями. Они не имеют объективной, неотъемлемой сущности, но порождаются дискурсивной практикой (использование языка и репрезентация в искусстве, литературе, СМИ, политике и т. д.) и социальным соглашением (когда люди могут действовать определенным образом, чтобы соответствовать ожидаемым нормам для города или деревни) [1, 6, 7].

Культурный поворот вдохновил новую волну сельских исследований, которые были сосредоточены на проблемах конструирования сельской идентичности, формирования характерных черт сельчан и «сельскости», опыта и дискурсов «других» групп в сельских сообществах. Кроме того, наблюдается поворот к материализации сельской местности, который, по мнению M. Woods, включал три параллельных элемента. Во-первых, исследование материальных условий, связанных с географическим контекстом сельских населенных пунктов. Во-вторых, возобновление усилий по определению, классификации и картированию сельского пространства в соответствии с материальными характеристиками и функциями. В-третьих, концептуализация сельского пространства, как гибридного, состоящего из дискурсивных сущностей человека и материальной среды. Все большую популярность в последние годы приобретает концепция гибридности, представленная, например, у P. Cloke (см. таблицу).

С нашей точки зрения, концепция гибридации появилась в рамках теории развития для альтернативного объяснения особенностей развития сложных, многомерных, открытых систем (секторов, отраслей, территорий, регионов) в контексте глобального потока идей, знаний и технологий. Основная идея гибридации предполагает, что неравномерное распределение развития является результатом комбинации многообразия новых концептов, моделей, решений с локальным контекстом, в котором реализуются эти новинки. В общественных науках понятие гибридации в настоящее время означает: «отделение существующих форм, элементов от их текущего использования для рекомбинации с целью создания новых форм, элементов и практик» [8].

С точки зрения экономической перспективы важно отметить, что культурное разнообразие и творчество, а также усиление межкультурных контактов и отношений с начала XX века признаются двигателем экономического роста. Объединение культур приводит к инновациям и экономическому развитию, а межкультурные контакты ускоряют распространение технологий, знаний и экономического сотрудничества. В условиях глобализации межкультурные контакты также определяют интенсификацию экономических отношений путем соединения отдаленных мест, определяя существование, так называемой, «глобальной валоризации» местных ресурсов [9]. Считается, что механизм глобализации может генерировать, как экономические силы объединения, так и фрагментации (гибридации), порождая осознание и использование различий и/или общей идентичности.

Таблица - Характеристика теоретических подходов к анализу сельских территорий

Типы концепций	Характерные черты
Функциональные концепции	Сельская местность как ограниченное пространство, определяемое материальными функциями, типом ландшафта или физическими характеристиками территории (например, численность и плотность населения, использование сельскохозяйственных земель, занятость в сельском хозяйстве). Был влиятелен в географии и планировании до 1980-х годов. При этом сельское общество определяется социальными и культурными характеристиками, ценностями и поведением, в отличие от особенностей городского общества (например, аграрного общества, <i>Gemeinschaft</i> или сообщества, самообеспеченности). Был влиятелен в социологии и антропологии до 1980-х годов.
Политэкономические концепции	Сельские населенные пункты определяются конкретными политико-экономическими функциями или характеристиками, связанными с первичным производством или коллективным потреблением, и связаны с более широкими политико-экономическими структурами и процессами. Был влиятельным и обсуждаемым в 1980-х и начале 1990-х
Социально-конструктивистские концепции	Сельский как «социальный конструкт» или «состояние ума», порожденный дискурсами, практиками и представлениями, которые связывают определенные значения, явления, ценности и идентичности с «быть сельским». Нет единого «истинного» сельского, но есть много разных «социальных конструкций» или дискурсов сельской жизни. Влиятелен с начала 1990-х годов, особенно в британской сельской географии
Сельское как гибрид	Сельские места представляют собой гибридные сообщества различных человеческих, материальных компонентов и сложных социальных отношений, которые выходят за пределы населенного пункта. Дискурсивное кодирование сообществ как «сельских» отражает их социальный состав, но нет единого фиксированного значения сельской местности, и гибридная сельская местность может выглядеть по-разному с разных точек зрения. Появляется с начала 2000-х годов

Источник: составлено по Cloke, P. (2006).

Аналитические возможности концепции гибридизации можно применять и для исследования развития отдельных секторов [см., например, 10]. В этих работах гибридизация означает пространственную нелинейность производственных цепочек, возникающую в результате глобального доступа к ресурсам, что позволяет международным компаниям применять стратегию максимизации цепочки создания стоимости в глобальной перспективе. В пространственном отношении это означает переход от региональной или национальной интеграции цепочек создания стоимости к глобальной интеграции путем объединения элементов этой цепочки, расположенных в разных частях мира. Фактором, определяющим нелинейность пространственных цепочек производства, является глобализация, которая дополнительно обусловлена технологическими изменениями, приводящими к сжатию пространства/времени, то есть к более интенсивным взаимодействиям в более широком пространстве в короткое время (так называемый «сокращающийся мир»).

Для исследования пространственного развития концепция гибридизации позволяет объяснить разнообразие моделей социально-экономического развития в контексте регионов, городов и сельской местности. Например, команда Golubchikov O. (2014) использовала понятие гибридизации для объяснения различий в развитии российских городов. Они формулировали гипотезу о том, что высокий уровень дифференциации в динамике развития российских городов обусловлен взаимодействием постсоциалистического наследия с силами неолиберального капитализма. По их мнению, гибридизация развития определяется «взаимодействием условий, являющихся наследием социализма и характеризующих неолиберальный капитализм, которые совместно производят (...) гибридные транзитные пространства - «странные географически», но функционирующие в соответствии с ритмом капитала...» [11, с. 618].

Концепция гибридизации может также применяться для анализа изменений, происходящих в сельской местности и трансформирующих прежнюю «сельскость». При этом «сельскость» может быть выражена через складывающуюся взаимосвязь укоренившихся и новых практик. Сельскость может рассматриваться, как сложное переплетение властных отношений, социальных условий, дискурсивных практик и институциональных сил, которые в процессе современных взаимодействий постоянно комбинируются и рекомбинируются. Подоб-

ный концепт (гибридность сельской местности) позволяет идентифицировать упущенные ранее пространства, появляющиеся на пересечении культуры, экономики, антропологии, управления. Данный подход уже применялся для исследования городов, теперь его можно распространить и на сельскую местность. Это позволит выявить специфические социальные феномены, формирующиеся на стыке между монолитностью и текучестью, человеческой и материальной сущностью, эмоциями и деятельностью (практикой). Данный подход позволяет идентифицировать эти пространства, понять механизмы их действия и выявить долгосрочные эффекты (последствия) для развития сельских сообществ и сельских территорий.

В конце 20-го – начале 21 века сельские территории и их население испытывали ускорение процессов модернизации и трансформации. Хотя эти изменения уже широко распространены в глобальном масштабе, их последствия для сельских территорий различаются в зависимости от региона. Первоначально эти процессы - смещение производства и места проживания, деаграризация экономической деятельности и возникновение неаграрных видов деятельности, продолжающийся разрыв между местом работы и местом жительства - объяснялись с точки зрения реструктуризации сельских территорий. Анализ процессов мобильности, интеграции многих регионов в международную экономику (например, в агропродовольственные цепочки, глобальный туризм и миграционные потоки), а также растущее значение мобильности в социальной жизни привели к размышлению о роли сельских территорий в социальных процессах, ранее считавшихся, преимущественно, городскими и/или транснациональными. Эти процессы формируют способность сельских территорий объединять местные и глобальные процессы. Интенсивность и масштабы социально-экономических изменений, происходящих на сельских территориях в эпоху глобализации, выходят за рамки понятия реструктуризации. Это не простая адаптация к новым обстоятельствам, а скорее мутация роли и характера сельской местности [12]. Однако дальнейшие процессы свидетельствовали о том, что сельский мир начал постепенно интегрироваться (хотя и выборочно) в новую экономическую логику глобализма, исходя из конкретных региональных и социальных характеристик территорий.

Глобализация дифференцирует регионы и местные сообщества через разделения производства и потребления, но в то же время она связывает их сильной взаимозависимостью. Многие сельские территории были объединены в цепочки глобального агропродовольственного производства, в их автономия и собственные организационные формы распались в процессе интеграции в более широкие отношения и глобальные организации. Исследователи отмечают, что сельские регионы лишаются своих локальных атрибутов, поскольку управление производственными возможностями и их расширение переходит к агентам, внешним по отношению к селу (как у вертикально интегрированных структур). Подобным регионам необходимо развивать свои организационные возможности, чтобы конкурировать с другими местностями за возможности включения в глобальные процессы.

Как отметил М. Woods, преобразования, происходящие в сельских районах в результате глобализации, меняют саму глобализацию. «Нет ранее существовавшей стабильной и однородной сельской местности, в которой могла бы действовать «глобализация», но при этом не существует единой, однонаправленной силы глобализации. Скорее воспроизводство сельских территорий в условиях глобализации должно пониматься как их вовлечение в гибридные взаимодействия трех уровней. Во-первых, глобализация сама по себе является гибридом [...]. Во-вторых, глобализация протекает путем гибридизации [...]. В-третьих, [...] сельская местность приобретает свойства гибрида человека и материальных условий» [3].

Сельские территории и города все чаще сталкиваются со схожими процессами, не дифференцированными пространственно. Например, миграционные потоки сейчас направляются не только в городские центры, но и в сельские районы. Однако влияние этих процессов сильно отличается в сельской местности. Сельские территории, тесно связанные с городскими центрами, могут воспользоваться преимуществами глобальных изменений, в то время как в депрессивных стареющих сельских районах миграция связана с экономикой ухода. При этом местные сообщества по-разному воспринимают и моделируют эти процессы. Гомогенизация культурных и потребительских процессов ослабляет специфику форм сельской жизни

и саму однородность характера сельской жизни. Это увеличивает разнообразие в процессе гибридизации, состоящее из традиционных элементов сельской местности со смесью различных адаптивных реакций на глобальные процессы. В этом смысле гибридизацию можно рассматривать как адаптивное действие и связывать ее с проблемой устойчивости. Идея устойчивости показывает, что многообразие ответов сельских территорий зависит от возможностей, которые каждое сообщество выбирает для согласования использования своих ресурсов с внешними возможностями и доступностью. Этот процесс производит гибридизацию и смешивает уровни действия (местный, региональный, транснациональный), способы и логику производства (крестьянин, капиталист) и время (до-модерн, модерн, пост-модерн). С этой точки зрения реакция местных территорий и сообществ может варьироваться от стратегий изоляции (в результате зависимости от местных ресурсов и возможностей сообщества) до ситуации чрезмерной глобализации и потери идентичности и автономии.

Россия не осталась в стороне от основных тенденций пространственной и экономической трансформации, свойственных эпохе глобализации. Ее пространственное развитие во второй половине XX века отличалось концентрацией населения, инфраструктуры и экономики в ресурсных очагах: городах, пригородах и на юге страны. Эти процессы очень неоднородны. Если в восточной части страны сформировались небольшие очаги высокой экономической активности на основе традиционного хозяйства коренных народностей, то в Нечерноземье появились зоны экономического и социального истощения из-за длительной депопуляции и утечки активной части населения. В разных частях страны, в пригородах и на периферии, в больших и малых городах, по мнению отдельных исследователей, «формируются разные миры, как бы живущие в разное историческое время» [13]. Усиление экономических и социально-демографических различий между отдельными частями России свидетельствует о его поляризации, причем не столько межрегиональной, но и внутрирегиональной [14].

Урбанизация конца XX века оказала на сельскую экономику гораздо более сильное влияние, чем в развитых странах. Главной причиной этого стало низкое качество организации пространства страны, связанное с небольшим количеством городов для такой огромной территории, когда они, притягивая население и трудовые ресурсы, провоцировали создание социально-демографической, а, впоследствии, и экономической "пустыни" на периферии регионов. Еще одной причиной стали монофункциональность сельской местности и особенно характерных для нее сельскохозпредприятий. Колхозы и совхозы оказались совершенно не готовы ни к депопуляции сельского населения, ни к экономическим переменам конца XX века. Новые рыночные условия по-разному повлияли на экономику сельских территорий разных регионов страны и их социально-экономическое развитие, что способствовало дальнейшему усилению межрегиональной дифференциации - от сильнейшего кризиса, в одних местах, до модернизации предприятий и появления новых эффективных производств - в других. Исследователи отмечают двунаправленный процесс: с одной стороны, произошли деконцентрация, разделение и сжатие производства на многих старых (советских) предприятиях, с другой - проявилась пространственная избирательность процесса подъема сельского хозяйства, стимулирующая дальнейшую поляризацию сельской местности. Произошло заметное усиление пригородов в центральных и южных регионах, повышение продуктивности сельского хозяйства на данных территориях за счет качественных трудовых ресурсов и хорошей инфраструктурной обеспеченности. Таким образом, природные и трудовые ресурсы в совокупности с инвестициями в сельское хозяйство сформировали современную пространственную и организационную структуру современного сельского хозяйства России, еще больше «оторвав» его от сельской местности. Эти процессы спровоцировали фрагментацию сельского пространства, усилив отток жителей из экономически неблагополучных районов. Формированию очагов инновационного развития сопутствует разрастание «экономически депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей» [15].

В отечественной социологии тема трансформации сельской жизни под действием глобализации нашла отражение в концепции «клеточной глобализации» [16]. Считается, что глобализационная матрица трансформирует, как город, так и сельскую местность, обуславливая их общую транзитивно-динамичную основу, и в рамках данной концепции исследует-

ся проникновение глобальных процессов во все «клетки сельских сообществ» (на примере Ближнего Севера европейской России). Покровский Н. считает, что освоение и реколонизация этих территорий будет происходить в формате "жидкостной миграции", которая обозначает не оседлое закрепление в сельской местности, а круглогодичное проживание в ней с постоянными отъездами-возвращениями в российские столицы или дальше зарубежье.

Данное направление исследований является важным направлением изучения «урбанизации» сельской местности. Термин «урбанизация» имеет несколько значений. Во-первых, это может относиться к изменению общего баланса населения, когда все больше людей проживает в городах и поселках. Во-вторых, урбанизация может относиться к расширению городского землепользования и проникновению застроенных ландшафтов в сельское пространство. В-третьих, урбанизация может также относиться к вытеснению «сельских» культур и образа жизни «городскими» культурами и образом жизни. Зачастую эти три определения анализируются совместно. Некоторые исследователи считают, что культурная урбанизация во многом происходит за счет подражания сельского населения городской моде и образу жизни, особенно когда городская культура распространяется и пропагандируется через глобальные средства массовой информации. P.Cloke отмечает: «...глобальное распространение культуры ... особенно через Интернет означает, что большинство сельских территорий в западном мире эффективно урбанизованы культурно. Хотя характерные культурные черты формируются в определенных локальных условиях сельской местности, всепроникающие сообщения Голливуда, MTV и Google означают, что идея сельской местности как изолированного острова культурной специфики и традиционализма стала анахроничной» [1; с.19]. Некоторые исследователи считают, что вместо урбанизации сельского общества было бы точнее говорить о сближении сельского и городского образа жизни и о гибридизации сельских и городских культур. Глобализация и информация проникают всюду, они становятся важными детерминантами современной жизни, из-за них становится важным комфорт, усиливая отток из деревни, где этого комфорта нет.

«Урбанизацию» сельских сообществ также часто связывают с миграцией городских жителей в сельскую местность (чаще всего непостоянной), характеризующейся признаками контрурбанизации. В глобальном масштабе это явление включает людей, которые делят свое время между сельскими и городскими территориями, начиная от ежедневных поездок горожан на работу за пределы города и периодического посещения вторых домов (дач), заканчивая сосредоточением мигрантов, которые живут и работают в сельской местности, но остаются включенными в городские социальные сети, сохраняют городское мышление, стереотипы и ожидания. Действительно, появление анклавов, состоящих из вторых домов, является отличительным аспектом сельско-городских взаимоотношений в период глобализации. По мнению отдельных исследователей, специфика российской урбанизации заключается в широкой распространенности среди горожан внегородских владений-дач, которые выполняют не столько рекреационную, сколько сельскохозяйственную производственную функцию в качестве личных подсобных хозяйств [17]. А. Medvedev, например, выделил несколько сотен населенных пунктов на окраине Москвы, которые оживают только в выходные и праздничные дни, когда туда съезжаются владельцы вторых домов, в остальное время проживающие в городе [18]. Такие модели характерны для регионов, где сельская экономика недостаточно эффективна для поддержки постоянного населения, а транспортная инфраструктура ограничивает возможности ежедневных поездок на работу. Некоторые исследователи отмечают, что в России субурбанизация и контрурбанизация западного типа с переселением из крупных городов в пригороды и/или сельскую местность выражены слабо, зато «теснота городских квартир и боязнь их потери стимулируют горожан к сезонной жизни на два дома – в городе и на даче», тем самым создавая новые формы социальной организации – сельско-городские сообщества, где сталкиваются и смешиваются оба «мира» [19].

В контексте изучения формирования внегородских пространств в эпоху глобализации отдельные исследователи отмечают конструирование переселяющимися индивидами «особой локальности – социального пространства со своими смыслами, рациональностью, организацией физического и социального пространства» [20]. Они считают, что в этом процессе

заметны тенденции к более рациональному использованию сельского пространства, как экологичному и безопасному по сравнению с городом, к воссозданию квазитрадиционной «сельскости» в формате тематического парка, к стремлению к сохранению культурных образцов и формированию сообществ нового типа. При этом, вступая в отношения с пространством, переселенцы создают новый гибридный формат жизни, характеризующийся, с одной стороны, созданием образа квазиаутентичной сельскости, а, с другой, действием рациональных, чуждых сельскому образу мышления, принципов (тяга к комфорту, предсказуемость, контроль).

Очевидно, что многообразие форм проявления, степени включенности сельских территорий и сообществ в трансформационные процессы, связанные с глобализацией, а также их реакции на эти изменения, диктует необходимость переосмысления факторов, способствующих и/или препятствующих этим процессам. Оценка эффективности встраивания в глобальные экономические и социальные отношения и необходимости сохранения сельской идентичности является важной задачей для совершенствования механизмов пространственного развития сельской России.

В целом, анализ трансформировавшихся взаимоотношений между городом и селом в эпоху глобализации с точки зрения их последствий для экономического развития представляет важное направление современных исследований. Традиционные функционалисты рассматривали города, как двигатели экономического роста, и, следовательно, воспринимали будущее сельской экономики в соответствии с траекториями развития городской экономики, которую они подпитывали и поддерживали. В контексте глобализации это направление трансформировалось в модели развития на основе городской индустриализации в основном за счет сельских аграрных обществ. Подход, ориентированный на акторов (индивидов), позволяет рассматривать экономические отношения между городом и деревней как двусторонние и согласованные, а управление - как осуществляемое самими сельскими субъектами. Кроме того, большинство исследований по взаимодействию между городом и деревней проводятся с точки зрения города; изучение сельских районов и отслеживание связи между ними - малочисленны. Между тем, как отмечают D. Lichter и J. Ziliak, «общепринято выделять экономическую гегемонию городских районов..., однако, в эпоху глобализации распределение экономического влияния между городскими и сельскими районами выравнивается», приводя в пример Walmart со штаб-квартирой в Арканзасе и Google - «продукта городского ядра, огромные серверы которого размещаются и обслуживаются в сельских общинах» [21]. Другие примеры в странах Европы: распространение торговых и развлекательных центров, расположенных за городом, пригородных промышленных зон и парков предприятий; децентрализация отдельных высокотехнологичных или сервисных отраслей; расширение возможностей трудоустройства на удаленных шахтах и нефтяных месторождениях - свидетельствуют о том, что села и поселки будут доминирующим провайдером рабочих мест и услуг в регионах, и что поездки на работу в будущем будут осуществляться в сельскую местность. Например, исследователи показывают, что значительная доля поездок на работу в лондонском регионе идет от одной части периферии города к другой (также как и перемещение промышленности в пригородные районы Польши), что привлекает работников как из городов, так и сельских общин [2].

Заключение.

В заключении хотелось отметить, что влияние глобализации на воспроизводство и развитие сельских территорий огромно, хотя во многом и фрагментарно. Мозаичность встроенности сельских территорий в глобальные процессы порождает различные социально-экономические эффекты: от экономического процветания до стагнации и неприятия (сопротивления). Поэтому необходимы дальнейшие исследования, связанные с анализом включенности различных сельских территорий в процессы глобализации и факторов их социально-экономического развития (или депрессии), с оценкой барьеров для этих процессов и анализом возможности их преодоления. Важно понять, какие категории (типы) сельских территорий можно реально задействовать в процессах аккумуляции возможностей глобализации для экономического развития. Необходимо осуществить инвентаризацию потенциальных воз-

возможностей для экономического развития внутри регионов, а также разработать новые концептуальные подходы для региональной политики и критерии классификации сельских территорий с точки зрения их потенциальных возможностей (близость к городам; конкурентоспособность территорий; местные ресурсы).

Список литературы:

1. Cloke P. (2006) Conceptualizing rurality, in Cloke, P., Marsden, T. and Mooney, P., Handbook of Rural Studies, London: Sage, pp 18-28.
2. Woods M., Heley J. (2017) Conceptualisation of Rural-Urban Relations and Synergies / - URL: <https://rural-urban.eu/publications/conceptualisation-rural-urban-relations-and-synergies>
3. Woods M. (2007) Engaging the global countryside: globalization, hybridity and the reconstitution of rural place, Progress in Human Geography, 31: 485-507.
4. Pahl R. (1966) The rural-urban continuum, Sociologia Ruralis, 6: 299-329.
5. Brenner N. (ed) (2014) Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization, Berlin : Jovis.
6. Halfacree K. (1993) Locality and social representation: space, discourse and alternative definitions of the rural, Journal of Rural Studies, 9: 23-37.
7. Woods M. (2009) Rural geography: blurring boundaries and making connections, Progress in Human Geography, 33: 849-858
8. Pieterse J. (2015). Globalization and Culture. Global Mélange. Third Edition. Rowman & Littlefield, Lanham
9. Robertson R. (1992) Globalization: Social Theory and Global Culture. Sage, London
10. Porter M. (1998). Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. The Free Press, New York
11. Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014). The Hybrid Specialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring. Urban Studies 51(4), 617–633.
12. Camarero L., Oliva J. (2016) Understanding Rural Change: Mobilities, Diversities, and Hybridizations. Social Studies № 2. Pp. 93–112.
13. Нефедова Т. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. – 2009. - № 1 (44). - С. 62–77.
14. Нефедова Т., Трейвиш А. Динамика и состояние городов в конце XX века. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / Ред. Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. М.: ОГИ, 2001, С. 171-225.
15. Нефедова Т. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. – 2019. - Т. 15. - № 4. - С. 36–56. - URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056> .
16. Покровский Н. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории) // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014, С. 451–486.
17. Nikolaeva U., Rusanov A. Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? Population and Economics 4(2), 2020, 182–198.
18. Medvedev A. Counter processes: rural shrinkage and expansion of second homes in Central Russia, paper presented to the Warsaw Regional Forum, 2017, October 2017.
19. Нефедова Т., Покровский Н., Трейвиш А. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. - № 12. - С. 60-69.
20. Макшанчикова А., Никишин Е., Попов Д. Внегородские локальности: гибридизация «сельского» и «городского» в процессе миграции горожан в сельскую местность // Социологические исследования. – 2019. - Том 45. - № 12. - С. 61-70.
21. Lichter D., Ziliak J. The rural-urban interface: new patterns of spatial interdependence and inequality in America, Annals of the American Academy of Political and Social Science, 2017, 6-25.